

Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. Екатеринбург: Деловая книга, 2004.

Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург: «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т., 2010.

Сурина М. О. Цвет и смысл в искусстве, дизайне, архитектуре. Ростов-на-Дону: «Март», 2010.

Флоренский П. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996.

Рабинович В.С. (Екатеринбург)

Книга стихов: проблема единства

(на материале поэзии С. М. Рабинович)

Книга стихов в принципе может рассматриваться как сложный феномен «квазижанрового» характера. В самом деле – принципы объединения отдельных текстов в единую книгу стихов могут существенно различаться, а в некоторых случаях такое объединение может носить случайный характер. Тем не менее, как правило, можно говорить о наличии «текучих», «ускользающих» маркеров тематического, смыслового, образного, стиливого единства – особенно когда речь идет о книге стихов одного поэта.

История литературы знает немало случаев осознанной тематической, смысловой, образной, стиливой и др. «скрепленности» поэтических текстов, объединенных волей автора или последующих издателей в одну книгу. Чаще, впрочем, книга стихов объединяет просто поэтические тексты одного автора, написанные на протяжении всей жизни или в определенный ее период – без целенаправленного отбора по тематике, смыслу и др. Однако и в этих случаях можно говорить о книге стихов как об едином художественном целом, заданном наличием определенных доминант авторского образа мира (в целом – или на каком-то промежутке его творческой жизни), образной системы, стиля и др.

В этом смысле весьма иллюстративно поэтическое творчество Славы Мееровны Рабинович, матери автора статьи, известного поэта, прозаика, переводчика и эссеиста, автора многих поэтических книг. Примечательно, что при отборе текстов для своих поэтических книг Слава Мееровна Рабинович не склонна изначально задавать жесткие «скрепляющие» критерии – подобное преднамеренное «скрепление» присутствует только в двух ее книгах: это «*Осень под Богом: поэма пролетных птиц в японских хокку*» [Рабинович 2003] (2003) и «*Пишу тебе*» [Рабинович 2014] (2014).

В первом случае поставлен своеобразный художественный эксперимент соединения «японской» строгой формы (а опосредованно, через нее – и своеобразно реконструированного «японского» образа мира) – и собственного поэтического образа мира в его взаимосвязи с российской реальностью. Замысел «Осени под Богом» возник у Славы

Мееровны Рабинович под впечатлением первого за много лет появления уток на пруду Харитоновского парка в Екатеринбурге (в предшествующие годы они там просто не появлялись) – и предоставившейся возможности ежедневного наблюдения за их поведением, появлением и ростом потомства, взаимодействием с людьми и др. – на уровне «фиксации мгновения». Отсюда – органически возникшая параллель с «японским» образом мира, базирующимся именно на «фиксации мгновения», и возникший на этой основе замысел инкапсулировать «мгновения» в Харитоновском парке в их множестве в форму японских хокку (197 «мгновений» - 197 хокку).

Второй случай подобной преднамеренной смысловой «скрепленности» внутри книги в творчестве Славы Мееровны Рабинович – это ее поэтическая книга «Пишу тебе», книга, написанная после ухода из жизни ее мужа, отца автора данной работы, замечательного ученого и поэта Самуила Вульфовича Рабиновича, и целиком посвященная его памяти. Отсюда – присутствие в этой книге только стихов, имеющих к нему отношение: либо – посвященных ему или обращенных к нему еще при его жизни, либо – его любимых стихов, либо – в отдельном разделе «А ты приснился мне опять, Красивый, как тогда» - стихов, написанных после его смерти, стихов скорби и памяти.

В других поэтических книгах Славы Мееровны Рабинович предзаданной «скрепленности» нет – есть стихотворные тексты, написанные на определенном жизненном этапе (иногда с включением более ранних), и название обычно выбиралось уже *после* того, как книга стихов была сформирована, – так, чтобы оно максимально соответствовало реальному содержанию поэтической книги. Но уже сам выбор названия определялся в каждом случае интуитивным ощущением содержательных, смысловых и «мирообразных» доминант, характерных именно для данной книги, а значит – для стоящего за ней этапа творческого пути.

1992 год. Стихотворная книга «Душа – журавленок потешный» [Рабинович, Лойфман 1992] (в качестве названия выбрана строка одного из стихотворений Славы Мееровны Рабинович), объединяющая поэзию самой Славы Мееровны Рабинович и поэта Бориса Лойфмана. Название здесь словно бы объединяет стихи двух поэтов, писавшиеся на протяжении многих лет «в стол» и скрепленные в единое целое общим ощущением «маргинальности», «невписанности», может быть – «ненужности» в жестком, бытовом, практическом и прагматичном мире, хоть позднесоветском, хоть раннем постсоветском («журавленок потешный» - странная, непонятная и непонятая птица, и это – душа поэта). Примечательно, что принадлежность названия сборника к одному из стихотворных текстов наделяет его смыслами, не только буквально содержащимися в нем самом – но и присущими в целом этому стихотворению. «Душа – журавленок потешный» - из стихотворения Славы Мееровны Рабинович «Душа умирает последней», со сквозной антитезой земного тела – и небесной («журавленок!») души –

И только тогда, когда мезью
За жизнь отошло уже тело,
Душа – журавленок потешный

Устало взмахнет в поднебесье. [Рабинович, Лойфман 1992: 16]

В этом поэтическом сборнике – гораздо больше вопросов чем ответов («О чем написать мне?» [Рабинович, Лойфман 1992: 10], «Отчего я хочу, чтоб меня замечали?» [Рабинович, Лойфман 1992: 11], «Интересно, изменилось ли что-то в птицах?» [Рабинович, Лойфман 1992: 17], «Интересно, чья во мне душа?» [Рабинович, Лойфман 1992: 19]), и антитеза «практичного», «земного» тела и мечущейся, странной небесной души – сквозная.

2000 год. Стихотворная книга «Я и глагол, и междометье» [Рабинович 2000], изданная на стыке двух тысячелетий. Само название – строка стихотворного текста, вмещающего и этот смысл:

«Огромное грядет тысячелетье,
Еще не виданное миром». [Рабинович 2000: 5]

Смысловая же доминанта названия – «Я и глагол, и междометье» – как буквально в нем заложенная, так и «вычитываемая» из стихотворения, содержащего эту строку, в целом, – в значительной степени определяет и содержание стихотворной книги в целом: вновь – некая «двухполюсность» поэтического мира, присутствие в нем своеобразной антитезы. С одной стороны – «громкость», ясность, «глагольность» – хотя бы на уровне сакральных вопросов:

Вдруг там совсем не будет Бога?

Вдруг там совсем не будет рая?

С другой стороны – «междометье»: «негромкая лира», «Я перед ним [будущим тысячелетием – В. Р.] от страха обмираю» [Рабинович 2000: 5]. И стихотворения сборника – словно бы распределены между двумя полюсами четкого и порой жёсткого «глагола»:

Природа тут немало попотела -

Какое благодатнейшее тело!

Как будто Микеланджело вяял

И даже голова стоит на месте,

Заглатывая, как компьютер, вести,

Как будто по лекалу жизнь кроя.

И только сердце малость подкачало,

Осталось в детстве, словно бы в начале,

Словно бы им не пройден должный путь,

Как будто в жизни не было страданья,

Осталось сердце, как воспоминанье,

Аппендиксом осталось где-нибудь [Рабинович 2000: 55] –

и колеблющегося, хрупкого «междометья»:

Не оставляй меня в когтях ветров,

Дай мне побыть в тени твоих шатров [Рабинович 2000: 62].

Иногда – «глагол» и «междометье» соединяются в одном стихотворении, иногда – во «взаимопереходе»:

Мой урожай небогат.
По полоске нескошенной
Тихо бреду, собирая слова наугад
Бурое поле уже отцвело и заброшено.
Скучно и грустно, мой милый
Единственный брат.
Бедные рощи понуро стоят без одежд,
Сирые дожди сыплют из тусклых небес.
Где-то благая потеряна светлая весть.

Нету добра – и света по-прежнему нет. [Рабинович 2000: 89]

2003 год. Поэтическая книга «Золотые мои серебряные» [Рабинович 2003]. Здесь – особый случай. Название книги производно от названия входящей в книгу поэмы Славы Мееровны Рабинович «Золотые мои серебряные» [Рабинович 2003: 104-148] – о поэтах Серебряного века (сама она назвала ее в подзаголовке «поэмой поэтов», и эта поэма обладает сложной структурой: вступление – триптих, 5 стихотворных посвящений Марине Цветаевой, 3 – Федору Сологубу, по 2 – Александру Блоку и Валерию Брюсову, по одному – Зинаиде Гиппиус, Владиславу Ходасевичу, Владимиру Маяковскому, среди которых – и полемические, и каждому предпосланы строки поэта – «героя» посвящения; и наконец – «финал поэмы»). Другие тексты (стихотворения и поэма «Еврейские полеты») распределены по двум разделам – это «Стихи из четырех углов» и «Стихи нового столетия», объединенные обостренным чувством перехода из века в век, причем, скорее, страхом, чем надеждой:

Всё на убыль, всё идет на убыль,
Будто смерч задул,
И в улыбке жуткой ширит губы
Вельзевул [Рабинович 2003: 191] –

но и надеждой тоже – смутной, неясной, хрупкой
...В пропасть, в пропасть.

Только из-из туч,
Словно бы играя,
Вдруг прорвется
Одинокий луч -
Отблеск рая». [Рабинович 2003: 191]

2005 год. Поэтическая книга «Час волка и собаки» [Рабинович 2005]. Здесь общий смысл, выраженный названием и в целом одноименным стихотворением [Рабинович 2005: 6-7] и ставший смысловой доминантой сборника, – ощущение «сумеречности» времени, неразличимости добра и зла, смертной угрозы, которая может таиться под доброй маской. Не случайно отдельный раздел этой книги – «Стихи на злобу дня» [Рабинович 2005: 4-52], где практически нет столь присущего Славе Мееровне Рабинович мягкого лиризма, зато есть – даже, ско-

рее, не гражданское обличение, но метафизический страх перед бездной. Отсюда – периодически появляющиеся здесь «дьявольские» образы, не «демонические», а именно «дьявольские», лишенные «демонического» обаяния и словно бы извлекаемые из-под масок («Над челом же очумело / Вдруг сверкнула пара рожек» [Рабинович 2005: 26]; «Ушлый, хитренький и пьяный, / Лестью, подкупом, обманом / Бес нас водит не спеша» [Рабинович 2005: 27]; «Им к лицу и денежки, и рожечки» [Рабинович 2005: 47] и др.).

2009 год. Двухязычная поэтическая книга «Мне непонятен этот мир» [Рабинович 2009]. Точно так же названо и первое стихотворение сборника – и его содержание (вместе с названием) задает общую тональность всей поэтической книге.

Мне непонятен этот мир,
Мне этот свет непостижим,
Сквозящий из-под острых круч
Высоких облаков и туч.
Мне непонятна эта тьма,
Сходящая на гнезда и дома.
Мне непонятно, наконец,
Терпение людских сердец.
И бессердечье Неба и Богов,
И превращенье Юных в Стариков,
И бесконечность Млечного Пути,
И неизбежность смерти впереди. [Рабинович 2009: 9]

Здесь в качестве базового смысла – новый уровень прозрения о мире. Прозрения, скорее, не об Истине – а о предельной, конечной, метафизической непостижимости. В целом ряде стихотворений здесь присутствует, даже доминирует ощущение незнания, неуверенности, сомнения – перед лицом важных жизненных вопросов и в конечном счете – «предельного» вопроса о Мироздании. Практически подряд –

Мне непонятен этот мир»;
«И все кружилось и кипело
По чьим-то неземным законам -
И только я внутри постели
Забилась в этот странный кокон» [Рабинович 2009: 11];
«Непостижимая стезя
Протянута из края в край» [Рабинович 2009: 13];
«Я плохо знаю родословную» [Рабинович 2009: 15];
«Когда прервется этот странный танец?
И сразу ты уйдешь или с примеркой?» [Рабинович 2009: 23];
«Боже, не помню, какими мы были
Южной зимою на побережье!» [Рабинович 2009: 25].

Уровни «прозрения о незнании» здесь разные – от «биографического» до метафизического. Но это – этот подтекст проходит практически через всю книгу – то мудрое незнание, точнее «знание о незнании»,

которое достигается только на определенном этапе личностного поэтического восхождения.

Разумеется, «квазижанровая» природа книги стихов не требует жесткого подчинения всех входящих в нее поэтических текстов некой единой смысловой, стилиевой или образной доминанте (за исключением случаев преднамеренного подчинения, заданного авторским замыслом). И в поэтических книгах Славы Мееровны Рабинович немало текстов, не вписывающихся в общие для соответствующей книги доминанты. Но сами эти доминанты – присутствуют.

Литература:

Рабинович С.М. Золотые мои серебряные. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. 256 с.

Рабинович С.М. Мне непонятен этот мир. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2009. 208 с.

Рабинович С.М. Осень под Богом – поэма пролетных птиц в японских хокку. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. 48с.

Рабинович С.М. Пишу тебе. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2014. 240 с.

Рабинович С.М. Час волка и собаки. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2005. 309 с.

Рабинович С.М. Я и глагол и междометье. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2000. 152 с.

Рабинович С.М., Лойфман Б.Н. Душа – журавленок потешный. Екатеринбург: Штерн, 1992. 100 с.

Скрипова О.А. (Екатеринбург)

Жанр молитвы в книге стихов

М.Цветаевой «Лебединый стан»

Жанр молитвы занимает значительное место в творчестве Цветаевой. Так, в поле зрения исследователей постоянно попадает стихотворение «Молитва» (1909) как первый литературный и жизненный манифест поэта, анализируется влияние псалтырной поэтики на творчество Цветаевой [1]. А.Козлова подчёркивает, что «молитвенная лирика Цветаевой менее всего ориентирована на религиозную и литературную традицию молитвословия. Это потребность автора, индивидуальный опыт и эксперимент» [Козлова 2006: 385]. Попытаемся проследить, как трансформируется жанр молитвы в единственной книге гражданской лирики Цветаевой «Лебединый стан».

«Молитва – сакральный жанр, восходящий к древнейшей гимнической традиции» [Ермоленко 2013: 82]. Форму обращения к высшему божественному началу с хвалой-просьбой можно признать древнейшим сюжетным архетипом, стремящимся к сакральному наполнению. Молитва определяется как «установленный текст, читаемый при обраще-